

САЛТЫКОВ В ЛИЦЕЕ

Сообщение М. К а л а у ш и н а

Среди беспощадных сатир Салтыкова на разлагающийся дворянско-крепостнический строй с его судами, бюрократией, жизнью «оскудевающего» помещичьего хозяйства не-большое, но заметное место занимают сатиры на систему и обстановку воспитания в учебных заведениях царской России.

В «Господах ташкентцах», «Письмах к тетеньке», «Недоконченных беседах» и других произведениях рассыпан целый ряд замечательных по своей меткости и остроте эпизодов, изображающих отдельные уродливые стороны этого воспитания: телесные наказания, карцеры, механическая зубрежка уроков и пр.; выведен целый ряд «ташкентцев приготовительного класса» вроде «куколки» Nicolas Персианова, выходца из привилегированного дворянского учебного заведения.

Значительная часть этих эпизодов была написана в результате личных переживаний и воспоминаний школьной жизни Салтыкова в Московском Дворянском Институте и особенно жизни в Царскосельском лицее (1838—1844).

Пребывание Салтыкова в лицее оказало на него глубокое влияние.

Помимо увлечений идеями утопического социализма, которые шли со стороны, от школьных товарищей, конечно без всякого влияния школы, — сама школа с ее бездушным казенным режимом осталась на всю жизнь в памяти великого сатирика, впервые заронила в нем недовольство окружающей действительностью. Не случайно в ранних рецензиях на учебники и книги для детей, написанных Салтыковым в первые годы после выхода из лицея, постоянно затрагиваются вопросы воспитания.

Помимо влияния Белинского в них чувствуется живое и непосредственное отношение, вынесенное из жизни в результате личных переживаний.

Между тем «лицейский период» биографии Салтыкова до сих пор остается совершенно неизученным. В нашем распоряжении за исключением нескольких скупых строк в известных автобиографиях Салтыкова нет даже самого скромного запаса фактического материала, на основе которого можно было бы приступить к исследовательской работе в этой области.

С этой точки зрения публикуемые нами материалы, а именно письмо Салтыкова к родителям, написанное из лицея в 1839 г., два до сих пор неизвестных стихотворения 1840 г., относящиеся к этому же времени лицейские карикатуры и театральная афиша, свидетельствующая об участии Салтыкова в одном из лицейских спектаклей, представляют бесспорный интерес.

Особенно любопытно и значительно в биографическом отношении письмо Салтыкова, сохранившееся в семейном архиве Салтыковых и извлеченное отсюда Е. М. Макаровой. Приводим полностью текст этого документа.

Царское Село. 7/III 1839 г.

Любезные родители!

Я извиняюсь перед вами, что так долго не писал, но этому было причиною неименее времени. Но я очень удивляюсь, что так долго не получаю от вас писем. Любезные родители, если вы уже не будете совсем этот год в Царское, то пожалуйста уже приезжайте на будущий год на экзамен, который будет в конце Ноября, а если вы [не] будете [совсем] в этот год, то приезжайте в Петербург в Гостилицу Париж в Кирпичном переулке: там по пяти руб. за номер. А там, где мы жили, то по денно не берут.

а берут по понедельно 35 руб. в неделю, а там, любезные родители, лучше и дешевле нанять квартиру; потому что в гостинице жить очень дорого, и притом только две комнаты одна для лакея, а д[руга]я так; то вам придется брать два номера, кушанье же в гостинице так дорого, что уж и говорить нечего; нет порции меньше 1 р. 25 к. Вообще квартиры в Петербурге дороги: за 5-ть или 6-ть комнат нужно платить 2000 р. в год все дешевле чем в гостинице, где вы за 4 комнаты будете платить 70 р. асс. и притом кушанье очень дорого.

Я вам скажу, маменька, что в Петербурге все русские изделия дороже нежели в Москве, а иностранные дешевле. Я теперь по ученью 6-тым, а по поведению сижу за столом 9-м, а теперь, я думаю, 10-тым буду; потому что наш класс постепенно увеличивается, потому что некоторые воспитанники выходят, а на место их поступают другие в наш класс. Нас поступило 19-ть человек, а теперь 24 т[...] один из них по поведению выседелся. У меня из ученья и поведенья по 8-ми в результатах. Но, любезные родители, я из ученья при конце курса буду непременно третьим или вторым, потому что я был сначала 16-м и вдруг в один месяц перегнал 4-х. Я бы был и из поведения 6-м, но главною причиною, что я 10-м Г-н Бейн, этот человек достоин всякого презренья; я вам расскажу об этом все подробно, когда вы приедете ко мне или когда я приеду на каникулы в Москву; теперь я вам скажу как он со мной подло поступил. Мосье Жоньо хотел отдать меня к одному Гувернеру. Но один и[з] гувернеров попросил Жоньо, чтобы тот отдал меня к Бейну. Бейна не терпят никто из воспитанников. Он уже был один [раз] чуть не выгнан из [Лице]я за воспитанников, но опять прощен. Как он меня взял, то он вообще погнался за ценой, не смотрел за мной, потому что в Лицее не любят Москвичей, разумеется, не все, потому что умные никогда не станут этого делать без причины. Гольтгоер, Директор, сказал Жоньо, что мы вообще себя очень хорошо вели на экзамене, и вообще хвалил нас за ответы. Но вдруг после каникул я узнаю, что Бейн отрекомендовал меня Генералу очень худо, сам не зная, почему, но вскоре Генерал почти разуверился в словах Бейна и теперь уж меня полюбил и брал на маслянице, когда я оставался. Берите любезные родители, Библиотеку для чтения за 1839 год, еще если можете берите «Сын Отечества»—40 руб. и Отечественные Записки [5]10 р. Эти журналы н[е] хуже Библи[отеки]. Московский наблюдатель поправился: вместо 20-ти книжек выходит 12-ть и стоит 45 рублей.

Прощайте, любезные родители. Остаюсь сын ваш, Салтыков.

«Письмо к родителям» является первым и единственным из известных пока автографов Салтыкова «лицейского периода». Это обстоятельство уже само по себе определяет значение документа для биографии сатирика. Но письмо интересно и по существу. При оценке его не следует забывать, что оно писано Салтыковым в возрасте 13 лет, т. е., по привычным представлениям, в возрасте скорее еще детском, чем юношеском. Учитывая это обстоятельство, нельзя не отметить прежде всего того впечатления какой-то исключительной и быть может преждевременной зрелости Салтыкова в отношении практических и материальных дел, которую он здесь обнаруживает. В самом деле, 13-летний Салтыков, приглашая родителей в Петербург для свидания с ним, не забывает дать подробные указания, где и как им лучше остановиться, сообщает (очевидно по предварительным и специально наведенным справкам) существующие в столице цены на комнаты и квартиры, не забывает и о таких мелочах, как стоимость обедов, разница цен на иностранные и русские изделия в Москве и Петербурге и т. д., причем Салтыков не только информирует, но и советует. Трезвый практицизм, свойственный будущему писателю Салтыкову-Щедрину не только в жизни, но и в мировоззрении, проявляется таким образом очень рано. Далее письмо дает — хотя и скупо — некоторый фактический материал о жизни и учении Салтыкова в лицее. Так мы узнаем, что на второй год своей лицейской жизни Салтыков считался в классе шестым по учению и девятым по поведению. Сообщая об этом своим родителям, Салтыков дает не лишнюю колоритности картинку бытовых взаимоотношений между им самим как воспитанником лицея и приставленным к нему гувернером, который «взял» его потому только, что «погнался за ценою». Характерна для будущего Щедрина и та резкость

Салтыков Сав. 18439
111

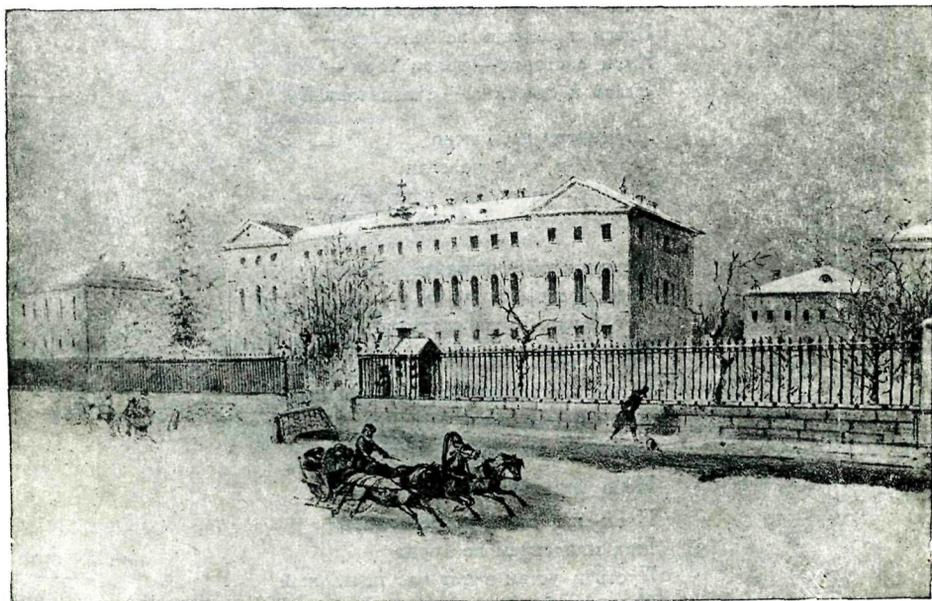
Александръ Родригъ!

Въ уведомленіи передъ вами, вы не находите никакого
содержанія, и вы принуждены считать это уведомленіе. Это
я очень сожалѣю, что не могу дать вамъ никакого
другого объясненія. Въ уведомленіи, которое вы
вы получили все будетъ извѣстно по тому, что въ
судѣ, но по крайней мѣрѣ вы принуждены
будете идти на свиданіе, которое будетъ
въ концѣ Октября, а если вы не будете совсѣмъ
въ этотъ годъ, то принуждены въ Петербургъ въ
Томанину Паризю въ Кирпачество
перейти: тамъ не много руб. за мѣсяцъ.
А тамъ, где вы живете, тамъ подлинно не
а берутъ по несколько руб. въ мѣсяцъ, а
тамъ, чтобы вы родились, лучше и дешевле
найти квартиру; помощь въ

пишу оный город, и приехал только две
 недели тому назад, но вечно придется брать два раза
 купившие же в последние два года, что
 уже и говорить нечего; а что поручились
 1725 кон. Уоодленд в Варшаве в Польшу
 Бурд дорож. за 5^{миль} в год, а потому же
 мажор 2000 в год, а в следующие два года
 по 1000, что все за 4 последние года
 704 ак. и приехал куставу оный город.
 Ибо как сказано, мажор, что в Польшу
 Бурд в русском языке дорожке мажора
 во Москве, а иностранное название Итальян
 по древнему финансу а по новому суду
 стоить два в Польшу, в Польшу, в Польшу
 Бурд; по тому же оному алмаз по цене
 увеличиваются; по тому же по некоторым
 воспоминаниям в Польшу, а по некоторым
 и по некоторым другим в Польшу

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА ИЗ ЛИЦЕЯ К РОДИТЕЛЯМ ОТ 7 МАРТА 1839 Г.
 (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

выражений, с которой сообщает 13-летний Салтыков о поступке этого губернатора, который он считал несправедливым: «этот человек достоин всякого презрения», «подло поступил». Но быть может самым примечательным в письме является просьба Салтыкова к родителям выписывать журналы: «Библиотеку для чтения», «Сын Отечества», «Отечественные Записки» и «Московский Наблюдатель». Несомненно, что, обращаясь с этой просьбой, Салтыков исходил из своих собственных интересов и склонностей. Таким образом мы имеем здесь уже материал для суждений по вопросу истории сложения личности и мировоззрения Салтыкова. Из позднейших художественных высказываний сатирика (см. например «За рубежом») известно, что в лицее на него по собственному признанию преимущественно влияли Белинский и «Отечественные Записки». Известно

ЗДАНИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ В 1840-х гг. В ПЕТЕРБУРГЕ

Акварельный рисунок неизвестного художника

Институт Русской Литературы, Ленинград

также, что в лицее Салтыков начал читать Фурье, Сен-Симона, Луи Блана и познакомился с Петрашевским. Все эти данные относились исследователями до сих пор исключительно к 40-м годам, т. е. к последнему периоду пребывания Салтыкова в лицее. С опубликованием настоящего письма Салтыкова мы имеем возможность не только подтвердить на бесспорном документе позднейшие высказывания Салтыкова, данные к тому же в художественной форме, но передвинуть начало знакомства Салтыкова с идеями Белинского на значительно более ранний период. В 13 лет, как показывает текст письма, Салтыков обладал уже столь высоким развитием, что не только читал журналы, но повидимому и следил, и разбирался в текущей литературной жизни. В этом отношении любопытны слова письма: «Московский наблюдатель поправился». Нужно думать, что эти слова относятся к факту перехода в 1838 г. «Московского Наблюдателя» к Белинскому, быстро изменившему направление журнала и превратившему его в орган левого гегельянства. Таким образом уже в 1839 г. наметился тот напряженный интерес Салтыкова к литературе, который через два года (в 1841 г.) был закреплен его личным участием в одном из названных им журналов, а именно в «Библиотеке для чтения», где появилось его первое печатное произведение — стихотворение «Лира».

К этому же периоду относятся два впервые публикуемые, до сих пор неизвестные стихотворения Салтыкова.

Приводим полностью текст этих стихотворений:

ДВА АНГЕЛА

Ангел радужный склонился
 Над младенцем и поет:
 «Образ мой в нем отразился
 Как в стекле весенних вод.

О приходи ко мне прекрасный
 Ты рожден не для земли.
 Нет ты неба житель ясный;
 Светлый друг! туда!.. спеши!

Там найдешь блаженства море:
 Здесь и радость не без слез,—
 Клики восторга — полон горя —
 Здесь и счастлив,— а вздохнешь!

За минуту небо ясно
 Вдруг... и тучи налегли.
 Все, что чисто, что прекрасно —
 Все минутно на земли.

Неужели омрачится
 Черной скорбью чело
 И блеснув, слеза скатится
 Из лазури глаз его?

В дом надзвездный над мирами
 Дух твой вольный воспарит,
 Счастлив ты под облаками!

Небо бог тебе дарит!
 Пусть же факел погребальный
 Над младенцем не горит
 Пусть в устах в тот час печальный
 Песня радости звучит!

Пусть последнее лобзание
 Без рыдания сорвут:
 Час печали, час страданья —
 Для тебя — к блаженству путь».

И умчался среброкрылый,
 И увял чудесный цвет!..
 Мать рыдает и уныло
 Смотрит ангелам в след!..

Салтыков

1840 г.
 23 сент.

2

ПЕСНЯ

(Из Victor Hugo)

Заря небесная играет,
 Глядится роза в лоно вод,
 Лишь девы сон не покидает
 Она не ведает забот.

Небесная дева,
 Души моей рай.
 Проснись! и напевам
 Поэта внимай!

Проснулось все, лишь нет прекрасной..
 Песнь в роще раздается вновь,
 Заря сулит день светлый, ясный,
 А сердце шепчет — я любовь.

Небесная дева,
 Души моей рай.
 Проснись! и напевам
 Поэта внимай!

О неба дивное созданье,
 О дева, чудо красоты.
 Приими, как ангел — обожанье,
 Как дева — дар святой любви!

Небесная дева,
 Души моей рай.
 Проснись! и напевам
 Поэта внимай!

Бог дал мне очи, чтоб в восторге
 Я на тебя одну взирал,
 Внушил любовь — чтоб в шуме оргий
 Тебя одной не забывал.

Небесная дева,
 Души моей рай.
 Проснись! и напевам
 Поэта внимай!

Салтыков.

1840 г.

Приведенные стихотворения взяты из лицейского архива Н. П. Семенова (упоминаемого Салтыковым в своей автобиографии как сотоварищ по перу). Рукою Семенова стихотворения Салтыкова переписаны в тетрадь среди прочих стихов лицейстов с полным обозначением имени автора. Относятся оба стихотворения к 1840 г. и таким образом являются единственно известными самыми ранними произведениями Салтыкова.

Известно, что Салтыков в течение 4—5 лет своего пребывания в Лицее серьезно относился к своему поэтическому творчеству и очевидно не оставлял надежды со временем пойти по этому творческому пути. Как оц сам позднее заявлял (см. автобиографию), «воспоминание о Пушкине обязывало; в каждом курсе предполагался продолжатель Пушкина», и в Салтыкове видели этого продолжателя от XIII курса. Уже с I курса Салтыков почувствовал это «решительное влечение к литературе» — к поэзии.

Найденные тетради со стихотворениями лицейстов (Л. Мея, В. Зотова, Н. Семенова и др.), где помещены и стихотворения Салтыкова, с очевидностью показывают, что в 39—40-х годах, в период возрастающих литературных интересов Салтыкова, существовал довольно тесный литературный кружок лицейстов, в числе которых одним из младших был и Салтыков.

Очевидно через эту литературную группу шли интересы Салтыкова к периодической литературе («Отечественные Записки», «Библиотека для чтения», «Московский Наблю-

датель» и др.), об увлечении которой Салтыков упоминает и в автобиографии, и в приведенном выше письме его к родным.

Через эти журналы очевидно шло и его увлечение современными поэтами: Бенедиктовым, Майковым, Губером, позднее Лермонтовым, влияние которых, особенно последнего, Салтыков испытал в своем поэтическом творчестве.

Найденные стихотворения позволяют думать, что поэтическое творчество Салтыкова не исчерпывалось 8—10 стихотворениями, а было гораздо шире. Сам автор свою стихотворную деятельность в это время называл «усиленною»¹.

Как известно, позднее Салтыков иронически относился к своему раннему стихотворству, считал свои стихи и плахими и «глупыми», но это несколько не означает, что в творческой деятельности Салтыкова они не сыграли своей роли.

Именно с увлечения стихотворчеством начался литературный мартиролог великого сатирика. Через это увлечение лежал путь к более серьезному и углубленному интересу к современной действительности.

Попутно необходимо напомнить, что это увлечение стихотворчеством являлось основным «тернием» в лицейской жизни Салтыкова, вследствие которого ему пришлось претерпеть все нелепости режима царского закрытого учебного заведения: карцер, преследование педагогов, прятание стихов и т. п., с большой сатирической остротой описанные им в ряде указанных нами произведений.

Описываемые ниже и воспроизводимые в настоящем издании лицейские карикатуры из «Сборника лицейских карикатур», хранящегося в архиве ИРЛИ Академии Наук, не касаются непосредственно биографии Салтыкова, но как относящиеся к первым годам его пребывания в лицее представляют несомненный интерес для воссоздания быта и общей обстановки ученических лет писателя.

По свидетельству Д. Кобеко, автора книги «Императорский Царскосельский Лицей» (СПб., 1911),— этот сборник является единственно известным из лицейских материалов, отражающих быт и нравы лицейской жизни этого периода в сатирическом плане.

Нарисованные с большим остроумием и с соблюдением портретного сходства они острем своего сатирического жала направлены главным образом на высмеивание педагогического персонала лицея.

К сожалению ни лицейский архив, ни литература, специально написанная по истории лицея, не дают возможности установить, кем и по какому поводу эти карикатуры нарисованы, затрудняя тем самым объяснение их конкретного содержания.

Большое портретное сходство персонажей карикатур с оригиналом позволяет для большинства с безошибочностью установить имена этих наставников и педагогов, педагогическому воздействию которых среди прочих воспитанников лицея подвергался и Салтыков.

На первой карикатуре изображены: директор лицея генерал-лейтенант Ф. Г. Гольтгойер (упоминаемый Салтыковым в письме к родным), сидящий на фалдах собственного мундира, представляющих собою как бы задние ножки кресла.

На нем сидит его помощник, инспектор классов лицея и профессор нравственных наук А. Ф. Оболенский. Перед ними в почтительной позе с развернутой книгой Устава лицея стоит профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский.

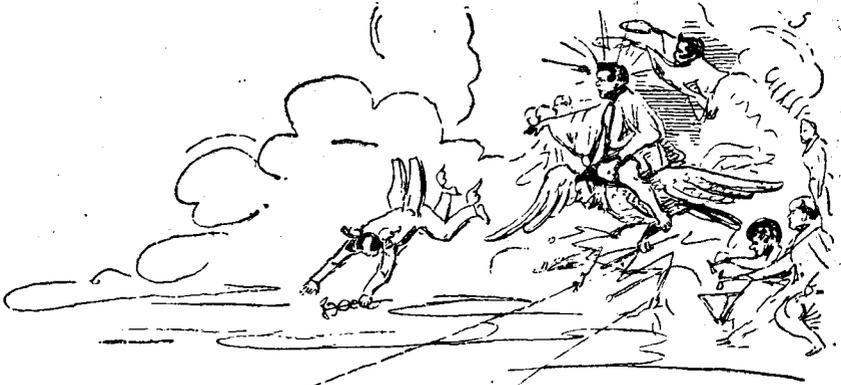
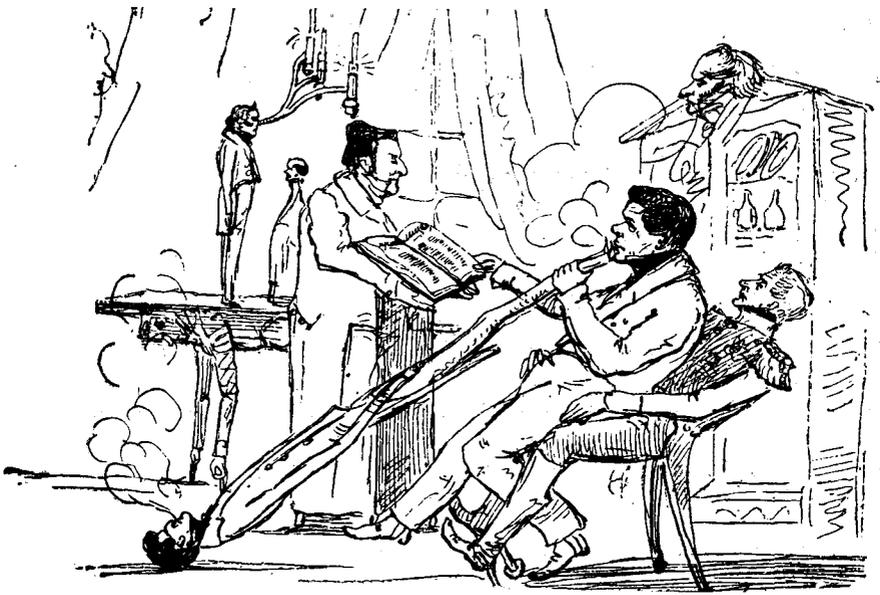
Вокруг в виде разных предметов, прислуживающих этому «академическому Олимпу», изображаются воспитанники лицея.

Вторая карикатура изображает того же директора Гольтгойера и воспитанников в виде скачущих лягушек.

Вверху инспектор классов Оболенский летит, сидя на спине Георгиевского, изображенного в виде птицы. Над его сияющей головой держит лавровый венок преподаватель немецкого языка и словесности профессор Де Олива (без носа).

Он же изображается в виде античной статуи на третьей карикатуре.

4-я и 5-я карикатуры очевидно имеют в виду преподавателей физики и математических наук: адъюнкта СПб. Университета Н. Т. Щеглова и его помощника — адъюнкта при лицее Р. П. Щиглева. В остальных карикатурах главное место уделяется профессору русского языка и словесности П. Е. Георгиевскому.

КАРИКАТУРЫ НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Из альбома лицейских карикатур

ВЕРХНЯЯ: Сидят: директор лицея Ф. Г. Гольтгойер (в военной форме); инспектор классов А. Ф. Оболенский. Стоит: профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский
НИЖНЯЯ: В облаках в виде птицы профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский; на нем сидит инспектор классов А. Ф. Оболенский; держит венок профессор немецкого языка и словесности Ф. А. Де Олива. Внизу направо — директор лицея Ф. Г. Гольтгойер
 Институт Русской Литературы, Ленинград

Наконец 6-я карикатура «Зверинец» взята из журнала «Литературный и карикатурный листок» 1840 г., № 2 (переплетенного вместе с альбомом лицейских карикатур) и принадлежит перу того же художника-лицейста, что и карикатуры из указанного альбома.

В «Зверинце» с правой стороны представлен целый ряд виднейших преподавателей лицея в виде разных зверей.

Вверху в виде попутая изображается преподаватель русского языка и словесности — П. Е. Георгиевский по прозвищу «Пепа», «Пепка», «Пепон».

Тигром изображен инспектор классов лицея А. Ф. Оболенский. Обезьяной с поврежденным носом — преподаватель немецкого языка и словесности Де Олива. Рыбой в корыте (с лысиной) изображается адъюнкт СПб. Университета Н. Т. Щеглов, преподаватель физико-математических наук (преподавал в лицее с 1836 по 1841 г.).

В виде осла представлен очевидно профессор французского языка и словесности Р. А. Жилле.

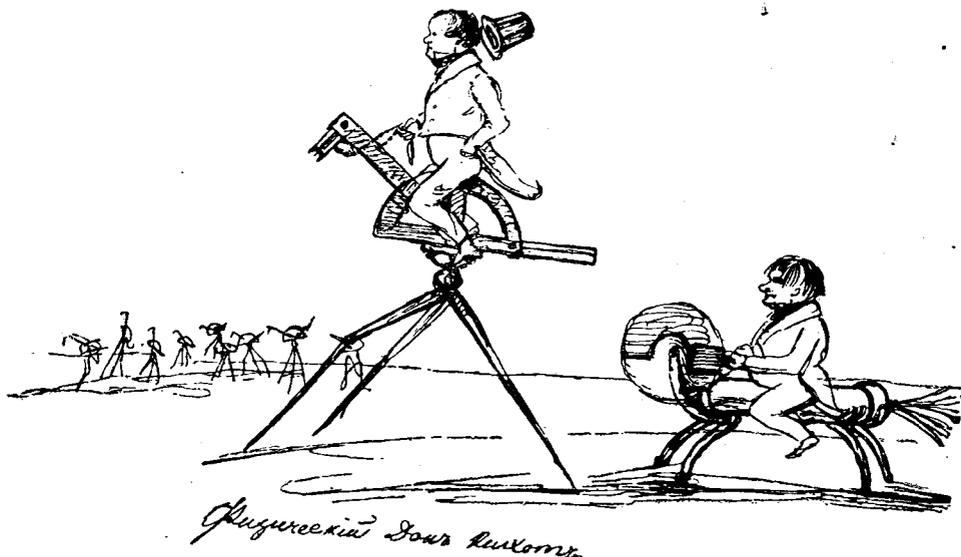
В чудовище, напоминающем кабана или бегемота, легко угадать толстого доктора лицея Франца Осиповича Пешеля (служил при лицее с 1811 по 1842 г.).

Из приведенных карикатур наибольший интерес представляют фигуры трех воспитателей лицея эпохи пребывания в нем Салтыкова—Гольтгойера, Оболенского и Георгиевского.

Ряд имеющихся отзывов воспитанников лицея о педагогической и административной деятельности этих воспитателей лишь подтверждает безотрадные картины воспитания, набросанные Салтыковым в его произведениях.

Первая фигура — генерал Гольтгойер. Он был назначен директором лицея в тот период, когда, по выражению Грота², «железная рука Аракчеева исторгла лицей в 1822 году из министерства народного просвещения и отдала его под военную опеку» — в Управление военноучебных заведений.

Главной целью его назначения было восстановление строгой военной дисциплины. Директор держал себя с воспитанниками «по-солдатски» — сухо и официально — и для большего укрепления дисциплины применял телесные наказания³.

КАРИКАТУРА НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЬ-САНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Слева: преподаватель физики и математических наук Н. Т. Щеглов; справа — его помощник Р. П. Щиглев

Из альбома лицейских карикатур
Институт Русской Литературы, Ленинград

КАРИКАТУРА НА НАСТАВНИКОВ И
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВ-
СКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВА-
НИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Из альбома лицейских карикатур

Справа: преподаватель физики и ма-
тематических наук адъюнкт при СПб.
университете Н. Т. Щеглов; слева его
помощник — адъюнкт лицея Р. П. Щиг-
лев

Институт Русской Литературы
Ленинград

По свидетельству лицейстов, он мало смыслил в проходимых в лицее курсах наук и силен был только в арифметике, что для такого поста, как звание директора, было слишком мало⁴.

Об этом же свидетельствует и Энгельгардт⁵:

«Гольтгойер—добрый человек, но о воспитании имеет столь же понятия, как о кавалерийском маневре. Он воспитан во 2-м Кадетском корпусе, всю жизнь провел там и педагогию научился в Дворянском полку».

Грот указывает, что руководящим началом управления лицея при директоре Гольтгойере «был страх, а не любовь»⁶.

«Он далеко не отвечал нашему представлению об идеальном начальнике, каким был по преданию незабвенный Энгельгардт»⁷.

Его помощник по управлению лицеем—инспектор классов А. Ф. Оболенский—по единогласному свидетельству лицейстов как инспектор был крайне нелюбим воспитанниками.

«В характере его не было ни прямоты, ни благородного образа действий»⁸.

«Нравственный надзор» за воспитанниками у Оболенского выражался в тайном осмотре книг, тетрадей и бумаг и широко развитом шпионаже и доносах.

«Им [Гольтгойером] управляет Оболенский, низкий фарисей, основывающий все воспитание на постыдной системе подслушивания за дверьми, на изловлении и краже запяточек по ящикам, и даже доходило до того, что приучивал делать тайные доносы на товарищей»⁹.

«Мы знали об этих инквизиционных приемах инспектора и за это не любили его»¹⁰.

Как преподаватель Оболенский замечателен был только тем, что читал свой курс «наскучнейшим образом»¹¹.

«Никак не сильнее Георгиевского был профессор Оболенский,—пишет Корф.—В мое время он под именем государственного права читал нам русские государственные законы... По когда-то налитографированным запискам, содержание которых он знал наизусть и которые он мог поэтому произносить во сне; результатом такого преподавания было то, что и на «репетициях» некоторые изощрились считать ответ свой по запискам, раскрытым за спиной дремлющего профессора»¹².

Но самой колоритной фигурой из педагогического персонала лицей, на которой не раз останавливается и Салтыков, был профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский. По отзывам учеников¹³, он был прекрасный человек, но совсем не даровитый профессор. (Ниже см. подобный же отзыв и у Салтыкова).

«Георгиевский был схоласт и педант, который не умел сказать ничего спроста и отличался самым надутым красноречием»¹⁴.

«Пропитанный до мозга костей семинарской схоластикой, классику старых времен, он мог понимать только Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина; далее он не шел.

Пушкин был в его глазах шалуном-романтиком; о Гоголе не имел никакого понятия.

Задавая нам сочинение, он требовал, чтобы мы излагали его не иначе как в форме силлогизма; если большая или малая посылки были недостаточно отненены и раздельны, работа считалась неудачною»¹⁵.

В преподавании своего предмета Георгиевский был чрезвычайно осторожен и «благонамерен».

«В суждениях своих о духе и настоящем направлении словесности, также о достоинстве писателей профессор сообразуется с суждениями благонамеренных и беспристрастных критиков.

При оценке всякого нового литературного труда удерживается от резких заключений, помня благонамеренное правило, преподанное Карамзиным: где нет предмета для хвалы, там скажем все молчанием.

Суждения резкие допускаются только в том случае, когда имеется в виду предостеречь воспитанников от важных злоупотреблений и новостей, неблагоразумных в языке»¹⁶.

Его полное и сокращенное «Руководство к изучению словесности» (первое издание 1835 г., второе 1842 г.) вызывало насмешки у воспитанников. «Георгиевский, которого мы называли «Пепкой»... читал короткое время какую-то невозможную чушь по своей книге, называемой нами «Пепкино свинство»¹⁷.

Другие называли его «Руководства» — «малой и большой чепухой», или же «малой и большой бутылкой кислых щей»¹⁸.

Таковы в общих чертах характеристики видных педагогов, у которых почти все время своего пребывания в лицее воспитывался Салтыков.

К этой неприглядной картине преподавания присоединим еще отзыв Энгельгардта об общем настроении воспитанников.

Говоря о шпионаже и доносах, распространившихся в лицее со времени пребывания в нем инспектором Оболенского, Энгельгардт отмечает:

«Следствием того (шпионажа и доносов.— М. К.) — что воспитанники ненавидят и презирают начальство. Больно слышать этих бедных молодых людей, когда говорят о начальстве своем и о лицее—сердца их остыли, они не любят, потому что их не любят, и с нетерпением рассчитывают, сколько дней им еще оставаться.

Это впрочем во всех наших заведениях—езде ненависть к заведению и презрение к воспитателям»¹⁹.

Те же чувства «ненависти к учреждению и презрения к воспитателям» являются основными для Салтыкова, где бы он ни касался жизни школы.

Останавливаясь на нравах лицейской жизни (в «Письмах к тетеньке», см. 9-е письмо), Салтыков представляет нам целую галерею лицейских Вральманов, Цифиркиных, Кутейкиных, выведенных в предлагаемых карикатурах, особенно выделяя из этой среды преподавателя русского языка и словесности Георгиевского.

«И наставники, и преподаватели были до того изумительные, что ныне таких уж на версту к учебному заведению не подпускают.

Один был взят из придворных певчих и определен воспитателем; другой, немец, не имел носа²⁰, третий, француз, имел медаль за взятие в 1814 года Парижа и тем не менее декламировал «à tous les coeurs bien nés que patrie est chère»²¹, четвертый, тоже француз, страдал какую-то болезнью, что ему было велено спать в вишундире, не раздеваясь. Профессором российской словесности в высших классах был Петр Петрович Георгиевский²², человек удивительно добрый, но в то же время удивительно бездарный. Как на грех кому-то из воспитанников посчастливилось уз-

ОКТАБРЯ 19 ДНЯ.

1843.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
НЕДОТРОГА.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. П. Подолева.

Иванъ Ивановичъ Недотрога, — бывший профессоръ Ри- шельевского Лицея.	М. САЛТЫКОВЪ.
Елизавета Ивановна, — дочь его.	Н. МИЛДЕРЪ.
Мироновичъ, — докторъ, живущій въ Петербургѣ.	А. БЕНКОВЪ.
Освальдъ Оскаровичъ Милокановъ, — богатый невольникъ.	П. БЕНКОВЪ.
Андрей Оскаровичъ, — сынъ его.	А. ШТЕВЕНЪ.
Карлъ Ильичъ Пододаловъ.	В. КАЛАШНИКОВЪ.
Фекла Феклистова, — жена его.	Е. БЕРДЕРЕВСКІЙ.
Фома, — слуга Мироновича.	В. ПЕРФИЛОВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на квартирѣ Мироновича.

LE SECRÉTAIRE

ET

LE CUISINIER.

Comédie Vaudeville en un acte, par Mr. Scribe.

Le Comte de Saint Phar.	В. ПЕРФИЛОВЪ.
Elise, — sa fille.	Н. БАРИШНИКОВЪ.
Le vicomte de Sauvecourt.	Е. ЭСАКОВЪ.
Alphonse, — son fils.	ЛЕ П ^С А. ЛОВАНОВЪ.
Antoine, — intendant de M. de Saint Phar.	А. ВЕРКОВЪ.
Souffle, — cuisinier.	А. НАГОЛОВЪ.
Valets.	

La scène est à Paris, à l'hôtel du comte de Saint Phar.

LE SPECTACLE COMMENCE À 7 HEURES.

АФИША ЛИЦЕЙСКОГО СПЕКТАКЛЯ 19 ОКТАБРЯ 1843 г.
С УЧАСТИЕМ САЛТЫКОВА В ГЛАВНОЙ РОЛИ
Институт Русской Литературы, Ленинград

нать, что жена Георгиевского называет его ласкательными именами: Пепя, Пепочка, Пепон и т. д. Этого достаточно было, чтоб изданное Георгиевским «Руководство», пространное и краткое, получило своеобразную кличку—большое и малое Пепино свинство. Иначе не называли этих учебников даже солиднейшие из воспитанников, которые впоследствии сделались министрами, сенаторами и посланниками...»²³

«Вообще тогдашняя педагогика,—заключает Салтыков,—была во всех смыслах мрачная и в смысле физическом, и в смысле умственном. В первом отношении молодых людей питали дурно и недостаточно, во втором—просвещали их умы «Пепиным свинством», и вдобавок требовали, чтоб школьник не понимал, что свинство есть свинство...»

В изучении материалов лицейской жизни Салтыкова как приведенные карикатуры, так и ряд цитированных отзывов о преподавателях и преподавании в лицее представляют большой интерес.

Среди лицейских материалов, относящихся к эпохе пребывания в нем Салтыкова, находится целый ряд афиш, пьес, переписанных ролей, относящихся к юбилейным постановкам в лицее (19 октября).

Так например, 19 октября 1842 г. были играны два эпизода из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (приезд Чичикова к Собакевичу и Плюшкину), выбранные, инсценированные и поставленные на сцене самими лицеистами.

В истории театральных постановок—это первая переделка «Мертвых душ» для сцены, сделанная еще при жизни Гоголя.

Но особенно для нас интересной из этих материалов является афиша о лицейском спектакле 19 октября 1843 г., в котором принимал участие сам Салтыков.

В комедии Н. Полевого Салтыков среди сокурсников-воспитанников преимущественно старших классов (выпускников) исполнял главную роль.

Как свидетельствует Кобеко на основании лицейских архивных материалов²⁴, спектакли эти устраивались силами и средствами самих лицеистов.

Средства на театр собирались среди воспитанников по подписному листу и составляли довольно значительные суммы.

Спектакли носили торжественно-юбилейный характер и приурочивались обычно к началу академического года. На них всегда присутствовал весь административно-педагогический персонал, приглашались почетные гости. Иногда подобные лицейские вечера проводились в присутствии императора и его двора.

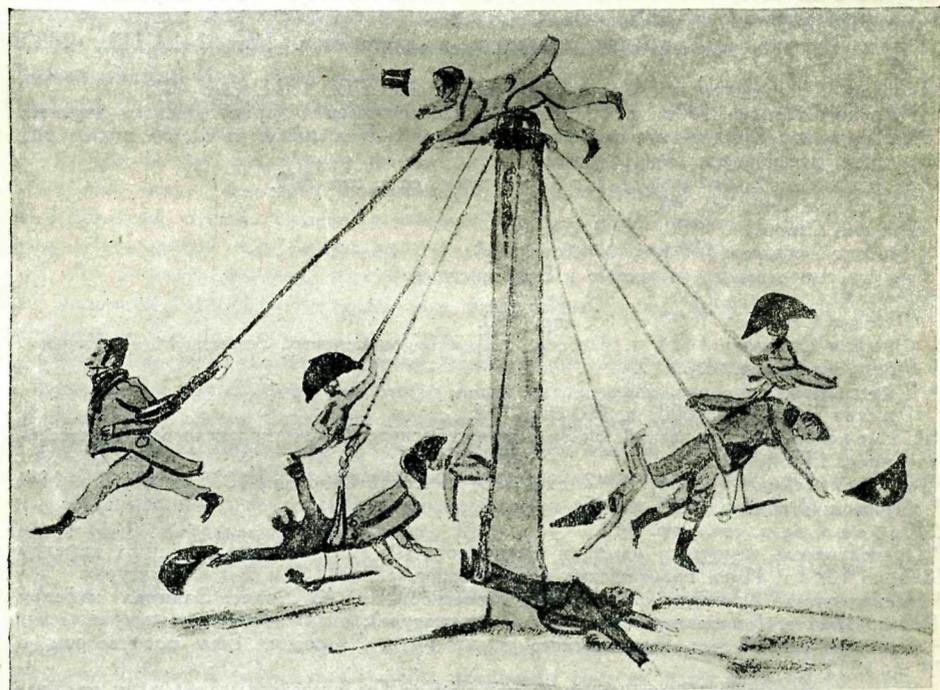
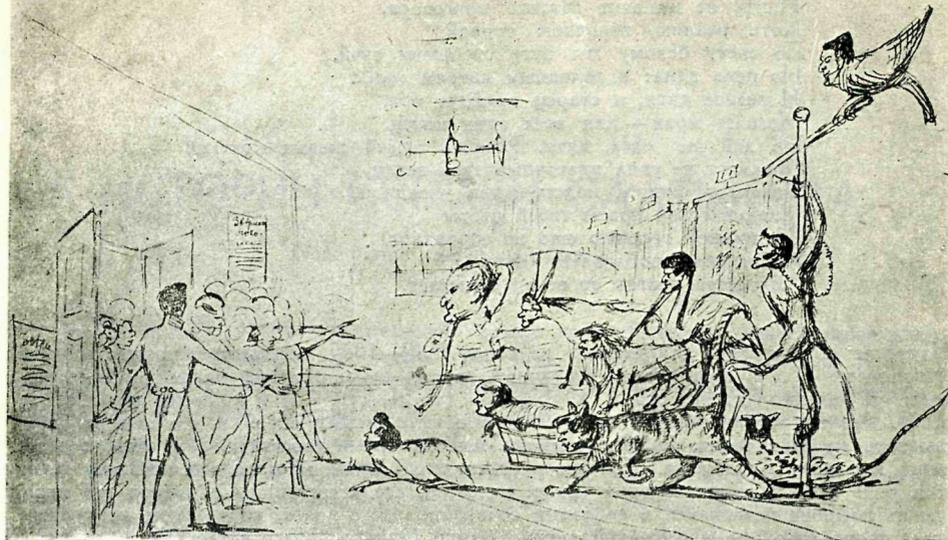
Сравнение этих материалов с цитированными салтыковскими текстами показывает, насколько с беспощадной и почти документальной правдивостью Салтыков в своих сатирах постарался заклеить тяжелую систему воспитания, испытанную им и современной ему молодежи в условиях полицейско-крепостнического режима николаевской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В порядке предварительного сообщения укажем еще дополнительно следующее. Еще из работы К. К. Арсеньева «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова» известна была принадлежность Салтыкову стихотворения «Две жизни», напечатанного в 50 томе «Библиотеки для чтения» (1842 г.). Стихотворение это помечено в журнале только первой буквой фамилии Салтыкова. До сих пор никто из исследователей не обращал внимания на то, что в том же 50-м томе журнала, рядом со стихотворением «Две жизни» имеется другое, под названием «Утешение», подписанное также буквою «С». Наличие единого псевдонима, внутренних признаков, а также тот факт, что обе вещи помещены рядом (стр. 9 и 10) заставляет предполагать, что и второе стихотворение принадлежит Салтыкову. Приводим текст его.

УТЕШЕНИЕ

Дитя мое! Невинными слезами
 Не умножай моей печали злой:
 Усопшей матери безжизненный покой
 Не миром был указан, небесами.
 Таков закон карающей судьбы:

КАРИКАТУРЫ НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕВЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Верхняя — из журнала «Литературный и карикатурный листок» № 2, 1840 г.; нижняя — из альбома лицейских карикатур

Зверинец. Изображены: попугаем — профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский; обезьяной — профессор немецкого языка и словесности Ф. А. Де Олива; тигром — инспектор классов лицея А. Ф. Оболенский; рыбой в кадке — преподаватель физики и математических наук Н. Т. Щеглов; ослом — преподаватель французского языка и словесности Р. А. Жилле; бегемотом — доктор Ф. С. Пешель

Внизу слева на гигантских шагах — профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский
Институт Русской Литературы, Ленинград

Ни слезы горести, ни тяжкий вопль укора,
 Ни горький плач взывающей мольбы,
 Ничто не изменит святого приговора,
 Хоть разною, неравною тропой
 По свету белому мы путь свершаем свой,
 Но цель одна: к холодным дверям гроба
 И резвое дитя, и старец придут оба.
 Могила мрак — для всех один конец.
 Не лей же слёз, дитя. Резвись в сей жизни краткой
 Покамест не увял цветочный твой венец,
 Покамест смерть, подсторожив украдкой,
 Младенческой красы твоей цветы
 Могильной горечью еще не отравляет,
 Как осенью поблеклые листы
 Холодный ураган от ветви отрывает.

С.

Изучение «Библиотеки для чтения» за годы 1840—1845 обнаруживает, что за тою же подписью «С.» в журнале за указанный период было помещено еще три стихотворения: «Я люблю» (т. 48, стр. 11), «Борьба» (т. 51, стр. 78) и «Убогий дар» (т. 56, стр. 8). Все три стихотворения имеют много общего между собой и все они разрабатывают те же поэтические мотивы, которые мы находим в известных уже стихотворных опытах молодого Салтыкова. Конечно установление принадлежности Салтыкову этих, как и ряда других, стихотворений (напр. известно, что с согласия Салтыкова его переводы из Байрона печатались в собрании сочинений этого поэта, издаваемом на русском языке) нуждается еще в солидной аргументации. Однако приведенные выше факты и предварительные соображения позволяют утверждать, что поэтическое творчество молодого Салтыкова было более интенсивным, чем это считалось до сих пор.

² Грот, Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1889, стр. 40.

³ Кобекко, Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911, стр. 408.

⁴ «Русская Старина» 1888, т. 60, стр. 110. «Воспоминания царскосельского лицеиста А. Н. Яхонтова». С этими воспоминаниями Салтыков был знаком и сделал к ним ряд исправлений, касающихся Петрашевского.

⁵ См. его письмо Вольховскому. Кобекко, назв. соч., стр. 349.

⁶ Грот, назв. соч., стр. 40.

⁷ «Русская Старина» 1880, т. 60, стр. 8.

⁸ «Русская Старина» 1900, т. 104, стр. 110.

⁹ См. указанное выше его письмо к Вольховскому.

¹⁰ «Русская Старина» 1900, т. 104, стр. 8.

¹¹ «Русская Старина» 1890, т. 65, стр. 840.

¹² «Русская Старина» 1884, т. 42, стр. 378. «Из пережитого. Записки Н. А. Корфа».

¹³ Грот, назв. соч., стр. 105.

¹⁴ Грот, назв. соч., стр. 226.

¹⁵ «Русская Старина» 1888, т. 60, стр. 114.

¹⁶ Селезнев, Исторический очерк императорского Александровского Царскосельского лицея. СПб., 1861.

¹⁷ «Русская Старина» 1884, т. 42, стр. 378; «Русская Старина» 1888, т. 60, стр. 114.

¹⁸ «Русская Старина» 1885, т. 45.

¹⁹ Кобекко, назв. соч., стр. 349.

²⁰ Преподаватель немецкого языка и словесности Ф. А. Де Олива. Занимал кафедру с 1825 по 1842 г. Имел повреждение носа. Изображен на 2-й и 3-й карикатурах.

²¹ Преподаватель французского языка и словесности Р. А. Жилле. Занимал кафедру с 1829 по 1841 г. (изображен ослом в 6-й карикатуре).

²² Салтыков ошибается: Георгиевского звали Петр Егорович. Был профессором с 1828 по 1852 г.

²³ В последнем письме Салтыков снова вспоминает Георгиевского: «Был один год, например, когда я одновременно обучался одиннадцати «наукам» и в том числе пепину свинству».

²⁴ Кобекко, назв. соч., стр. 450.